ЖИЗНЬ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОСНОВОПОЛОЖНИКА ГОМЕОПАТИИ С. ГАНЕМАНА

Город Мейсен, княжество Верхняя Саксония, Германия; середина XVIII века. В те годы в Мейссене проживало около четырех тысяч человек, работал завод по производству фарфора, и – что важно – в Мейсене было одно из отделений Академии наук. На окраине города стоял ничем не примечательный трехэтажный дом под названием «Эк-хаус». На первом этаже этого дома, в угловой комнате, закрытые ставнями окна которой выходили на Рыночную площадь, и родился 10 апреля 1755 г. Самуил Ганеман. Его отец был художником по фарфору на Мейсенском заводе. В отроческие годы Самуил приобрел привычку совершать длительные пешие прогулки в окрестностях родного города и даже составил гербарий из растений, произрастающих на территории Саксонии. Чтению и письму Самуила научили родители – отец Христиан Готтфрид Ганеман и мать Иоганна Христиана.

В гимназии Самуэль изучал латинский, древнегреческий и древнееврейский языки, историю, физику, ботанику и другие биологические науки. Его выпускное сочинение, написанное на латинском языке, называлось «Удивительное строение человеческой кисти».

Желая увеличить доходы многодетной семьи, Ганеман-отец пытался забрать талантливого мальчика из гимназии и устроить его на работу. Однако учителя, видя явную склонность Самуила к наукам, воспрепятствовали этому и в течение восьми лет не требовали от отца платы за обучение.

В пути

В 1775 г. Ганеман закончил обучение в гимназии Мейсена и отправился в Лейпциг, имея в кармане всего лишь двадцать талеров, подаренных отцом. Это были последние деньги, полученные Ганеманом от родителей, – семья была большая, и Ганеман-отец, имея весьма скромные доходы, стремился дать образование всем своим детям.

В Лейпциге Ганеман поступил на медицинский факультет Университета, и вскоре, благодаря своим успехам, получил от ректора г-на Бернгардта Порнера разрешение на свободное

посещение лекций. Все свое время Ганеман посвящал образованию, много читал; на жизнь он зарабатывал репетиторством французского и немецкого языков, а также переводами с английского. Спустя два года желание стать практикующим врачом привело его в Вену. В одном из кварталов Вены, Леопольдштадте, находилась в то время большая больница ордена Милосердных Братьев; в этой больнице под руководством известного врача фон Куарина Ганеман изучал медицину.

Фон Куарин был придворным врачом императора Австрии Йосифа и императрицы Марии Терезии. Ярко выраженные способности Ганемана к наукам произвели на врача такое глубокое впечатление, что он, всячески покровительствуя молодому студенту, брал его с собой к частным пациентам, что прежде ему было совершенно несвойственно.

Нужда окончательно отступила, когда губернатор Трансильвании барон фон Брюкенталь пригласил его в 1777 г. в Германштадт (ныне город Сибиу в Румынии) в качестве домашнего врача и хранителя его ценной библиотеки.

Завершение образования

В спокойной обстановке уединенной библиотеки Германштадта Ганеман в течение почти двух лет усиленно занимался, обогащая свои и без того обширные знания естественных наук и классической литературы. Кроме этого, он составил подробный каталог огромной библиотеки барона, а также вел прием пациентов. В 1779 г. он отправляется в Эрланген и получает степень доктора медицины, предоставляющую право самостоятельной практики.

Дессау и изучение химии

В Эрлангене Ганеман посещал лекции по различным научным дисциплинам. Позже он писал, что всю жизнь испытывает чувство особой признательности к г-ну Шреберу – преподавателю ботаники. Весной 1781 г., после серии переездов из города в город, Ганеман останавливается в Дессау, где приступает к глубокому изучению химии. Ему было суждено стать в этой области настоящим специалистом. Знаменитый химик Берцелиус позже писал: «Ганеман мог бы стать великим химиком, если бы не стал великим целителем».

Винный тест – изобретение Ганемана – даже в настоящее время применяется в химии в качестве теста на содержание металлов. Он разработал метод определения свинца в растворе при концентрации 1:30000. Этот метод имел несомненное практическое значение, поскольку нередко недобросовестные продавцы для повышения прозрачности вина низкого качества и его подслащения добавляли уксуснокислый свинец, обладающий токсическими свойствами. В химических и научных журналах того времени этому методу была дана самая высокая оценка.

Ганеман перевел с французского на немецкий язык книгу Демаха «Искусство производства химических продуктов» с многочисленными собственными оригинальными комментариями, которые лишний раз подчеркивали глубину его познаний. В одном из химических журналов того времени было написано: «Мы подтверждаем, что не существует более полного трактата, посвященного производству химикалиев, чем данный труд». Известно также, что Ганеман был знаком с великим химиком Лавуазье.

Женитьба

В конце 1782 г. Ганеман женился на Иоганне Кюхлер; затем в течение четырех лет они вели спокойную семейную жизнь. В 1789 г. Ганеман с семьей переехал в Лейпциг – возможно, из-за того, что в Дессау академическая жизнь была значительно менее бурной, чем в Лейпциге. Спустя год Ганеман переехал в Кенигслюттер, где работал врачом и одновременно продолжал химические исследования.

В то время в Германии свирепствовала эпидемия скарлатины; заболевание отличалось необычайной контагиозностью и представляло собой настоящую угрозу жизни и для детей, и для взрослых. Ганеману удалось достичь очень хороших результатов как в профилактике, так и в лечении скарлатины, применяя главным образом настойку Belladonna.

В отличие от большинства врачей того времени, Ганеман стремился назначать только одно лекарство на прием и тщательно фиксировал ответную реакцию – таким образом, из каждого назначения он извлекал новую полезную информацию. Кроме

этого, Ганеман предпочитал самостоятельно готовить все лекарства, не пользуясь услугами аптекарей.

Критические отзывы

Не исключено, что именно переводы научных статей, посвященных подделке лекарственных средств, породили у Ганемана сомнения в честности некоторых аптекарей, а знания фармакологии и химии лишь усилили его желание готовить свои собственные лекарства. Ганеман, действуя в соответствии с наилучшими принципами эмпирической науки, старался убедить своих коллег в необходимости назначать простые лекарства. Он писал в одной из статей: «Так давайте заключим дружеское соглашение и договоримся назначать на каждый прием одно-единственное простое лекарство для каждой простой болезни; затем будем внимательно смотреть, какое действие оказывает лекарство, хорош ли результат лечения или плох. Разве не опыт является главным судьей при решении всех важных вопросов?»

Наверное, так думал и Колумб, обозревая неизведанные горизонты. Но призывы Ганемана были напрасны, а его успехи лишь усилили у аптекарей чувство зависти. Да и врачи города из-за недоброжелательства и профессиональной ревности подстрекали аптекарей, которые в конце концов обратились в суд. После суда Ганеман подал апелляцию, но все было напрасно – признанному мастеру клинической фармакологии неожиданно было отказано в праве самому готовить даже простые лекарства. Вполне естественно, что Ганеман не мог больше оставаться в Кенигслюттере. Осенью 1799 г. он вместе с семьей навсегда покидает этот город.

Ганеман отчетливо понимал, что эффективность многих лечебных методов остается под вопросом, по крайней мере она не доказана систематическим или научным путем.

«Было сущим мучением ощущать, что я блуждаю в потемках, руководствуясь только тем, что я вычитал в книгах; я понимал, что множество субстанций занимают свое место в этих книгах совершенно произвольно. Я не могу себе позволить назначать моим страдающим собратьям лекарства лишь на основе умозрительных представлений. Многие из этих лекарств оказывают сильнейшее воздействие на организм и даже могут

вызвать смерть. Многие лекарства, действие которых совершенно непонятно, склонны вызывать новые заболевания и хронические расстройства, которые часто хуже поддаются лечению, чем изначальная болезнь.

Когда вскоре после женитьбы мне пришла в голову мысль, что я могу стать невольным мучителем или даже убийцей моих собратьев, я решил полностью отказаться от врачебной практики и посвятить себя исключительно химии и занятиям литературой.

Когда я стал отцом, моим любимым детям, плоть от плоти моей, стали угрожать серьезные и опасные для жизни болезни. Все это только усилило мои сомнения; я решил заняться исследованием самих основ медицины».

Исследования Ганемана затронули основные положения медицины. В то время крайне незначительное внимание уделялось такому важному аспекту, как, например, гигиена. В своих первых самостоятельных работах Ганеман говорил о необходимости рекомендовать пациентам физические упражнения, пребывание на свежем воздухе и соблюдение правил гигиены. Его работы, где подчеркивалось значение стерильности при хирургических вмешательствах, на полвека опередили работы Листера. Ганеман так описал лечение пациента с хроническим воспалительным процессом в кости: «Я произвел выскабливание костной полости, удалил все омертвевшие ткани, наложил повязку со спиртом и внимательно следил за результатом моих действий».

Поворотный момент

Ганеман и его семья жили в бедности, поскольку скудными источниками дохода были лишь его исследования в области химии и переводы медицинских книг с иностранных языков. Судьбе было угодно распорядиться так, что перевод с английского очень важной монографии Куллена «Materia Medica» полностью изменил жизнь Ганемана.

Д-р Уильям Куллен был заметной фигурой в медицинском мире; талантливый врач и не менее талантливый химик, он совмещал свои исследования с преподаванием медицины в университете Эдинбурга (Шотландия). Вполне естественно, что врачи континентальной Европы стремились ознакомиться с новой

теорией болезней, описанной Кулленом. Поскольку Ганеман был к тому времени признанным авторитетом по части медицинских переводов, именно он и получил от издательства этот заказ. Он пришелся как нельзя более кстати – семья Ганемана буквально бедствовала, страдая от голода и безденежья; все они жили в одной маленькой комнате, а письменный стол главы семейства стоял в углу, отгороженный занавеской. Работая над переводом книги Куллена, Ганеман, однако, не прерывал своих экспериментов и исследований.

Около двадцати страниц в книге Куллена было посвящено описанию лекарства Cinchona. Кора хинного дерева, произрастающего в Перу, была первым источником хинина – лекарства, которое давно и успешно применялось при лечении малярии и рецидивирующих лихорадок. Описание Cinchona у Куллена по какой-то непонятной причине пробудило у Ганемана желание испытать это лекарство на самом себе – ему было интересно выяснить, как оно действует на организм здорового человека.

«Из опыта известно, что при сочетании сильной горечи и сильного вяжущего средства можно получить смесь даже более горькую и более вяжущую, чем кора хинного дерева, однако эта смесь не окажет какого-либо специфического действия при лихорадке. Таким образом, Куллен ошибался, когда объяснял лечебное действие Cinchona ее особыми свойствами. Я провел эксперимент на самом себе, дважды в день принимая по четыре драхмы Cinchona. Вначале похолодели кончики пальцев кистей и стопы, затем появилась сильная сонливость, апатия и сердцебиение, а пульс стал твердым и малым; затем появилось чувство невыносимой тревоги, дрожь и ощущение изнеможения в конечностях, пульсация в голове, покраснение щек и жажда. Короче говоря, один за другим проявились симптомы, характерные для интермиттирующей лихорадки, за исключением специфического озноба и крупной дрожи».

Результаты этого эксперимента дали Ганеману больше, чем он ожидал. Он не только изучил на себе физиологическое воздействие коры хинного дерева, но и обратил внимание на очень важный факт. Как оказалось, это воздействие почти точно соответствовало

симптомам той болезни, при которой хина давно и столь эффективно применялась.

Вслед за этим Ганеман провел серию испытаний различных лекарств на самом себе и на тех своих друзьях, у которых не было каких-либо нарушений здоровья. Результаты всегда были неизменными – лекарство у здорового человека вызывало появление симптомов, которые близко напоминали симптомы той болезни, для которой это лекарство считалось специфичным. Однако все испытанные им лекарства вызывали появление гораздо большего числа симптомов по сравнению с картиной симптомов соответствующих болезней. В сознании Ганемана постепенно сформировалась мысль о том, что эти лекарства можно применять для лечения большего количества болезней, чем было принято до сих пор.

В процессе испытаний Ганеман не только определил и описал неизвестные ранее симптомы; в поисках подтверждений своих исследований он буквально перерыл множество томов Materia Medica и справочников по симптоматике отравлений. Каждое сильнодействующее лекарство вызывает в организме человека некую разновидность особой болезни; чем сильнее воздействие лекарства, тем своеобразнее, заметнее и сильнее проявляется эта болезнь.

«Нам следует подражать природе, которая иногда излечивает хроническую болезнь за счет наложения на нее другой болезни. Мы должны использовать при лечении болезни то лекарство, которое способно вызвать в организме другую, очень похожую искусственную болезнь, и тогда прежняя болезнь излечится; подобное лечится подобным».

Многолетние тщательно проведенные эксперименты и наблюдения лишь подтверждают, что Ганеман был действительно основоположником научно обоснованной клинической фармакологии. Кажется чудом, как ему удалось справиться с таким размахом исследований.

Издание «Органона»

Ганеман провел шесть лет в непрерывных трудах, испытывая лекарства для подтверждения принципа подобия, и лишь затем в первом издании руководства «Органон врачебного искусства»

представил миру его новую трактовку. Этой книге было суждено буквально потрясти основы общепринятых медицинских представлений; это была без преувеличения революция в медицине.

Выход в свет «Органона» в 1810 г. вызвал шквал противодействия со стороны медицинской общественности, в адрес Ганемана посыпались открытые обвинения. Мейсснер назвал гомеопатию «порождением тьмы», а профессор Закс из Кенигсберга сравнил Ганемана с дьяволом. Д-р Кайзер предрекал скорую смерть новой науки; Штейнглиц окрестил гомеопатию «чудовищной» системой лечения. Д-р Хейнрот даже основал журнал под названием «Анти-Органон», цель которого заключалась в разоблачении «этого Ганемана – мошенника от медицины». Д-р Элмас осуждал гомеопатию, считая ее «наиболее бесполезной вещью в мире», да и многие другие врачи, говоря о гомеопатии, не стеснялись в выражениях.

Когда эти деятели стали активно препятствовать публикации гомеопатических статей, личный врач графа Ганноверского шутливо посоветовал им «ждать у открытой могилы гомеопатии, потому что покойника скоро принесут на кладбище». Однако Ганеман, несмотря на град насмешек и обвинений со стороны своих коллег по цеху, никогда не падал духом. Основой его уверенности в собственной правоте были знания, приобретенные в результате многочисленных экспериментов, объективной оценки наблюдений и многолетней тщательной клинической работы.

Следует отметить, что и в наше время очерняют гомеопатию те, кто не имеет никакого опыта работы в этой области. Наши наиболее шумные критики никогда не видели, как работают настоящие клинические гомеопаты, и не потратили ни минуты своего времени, чтобы изучить принципы нашей науки.

«В конце концов, истина никогда не превратится в свою противоположность, поэтому мы испытываем к слепым фанатикам лишь чувство жалости. Я не вижу причин раздражаться или гневаться на них. Истина неизменна, даже если член Тайного Совета или маститый профессор выдвинул против нее массу возражений. Вспомните, что в свое время медицинская общественность приняла «в штыки» вакцину

Дженнера против оспы. В британских газетах публиковались многочисленные постыдные выпады против Дженнера – а где сейчас эти обличители? Газеты, в которых печатались их гневные речи, теперь годны только для заворачивания сыра в какой-нибудь захудалой бакалейной лавке. Мои уважаемые оппоненты, позвольте дать вам один совет. Выслушайте меня, прежде чем вы опять надумаете заняться ниспровержением нового метода, представляющего угрозу для вашего врачевания. Гомеопатия проверяется опытом, громко взывая: «Повторяйте эксперименты еще и еще раз!» Я уверен, что при тщательном и аккуратном повторении опытов вы обнаружите, что все ее принципы находят свое подтверждение».

1813 год был годом доказательства правоты Ганемана. Эпидемия брюшного тифа, начавшись в армии, быстро распространилась по всей территории Германии. Ганеман успешно лечил заболевших, применяя гомеопатические средства; на время критики вынуждены были замолчать. Тем не менее 16 декабря 1819 г. в городской совет Лейпцига от владельцев аптек поступила петиция, в которой говорилось о попрании их законных прав д-ром Ганеманом, поскольку он, видите ли, собственноручно готовил лекарства. 9 февраля 1820 г. Ганеман предстал перед судом, чтобы ответить на предъявленные обвинения.

«Протесты аптекарей, касающиеся изготовления мною лекарств, совершенно неразумны, поскольку моя система лечения не имеет ничего общего с обычной медициной. Старая система лечения применяет сложные лекарственные смеси, каждая из которых содержит несколько ингредиентов, причем в значительных количествах. Изготовление таких лекарств требует особого умения и времени, т.е. таких ресурсов, которыми практикующий врач обладает далеко не всегда. По этим причинам право готовить лекарства было передано аптекам.

Однако в гомеопатии не применяются сложные лекарственные смеси, которые необходимо готовить только в аптеке; во всех случаях назначается только одно простое средство. Более того, это средство содержит в себе такое мизерное количество собственно лекарства, что ни с помощью органов чувств, ни при

химическом анализе его невозможно обнаружить. Это предполагает прием такого незначительного количества лекарства, что необходимость контроля со стороны аптек просто отпадает сама собой».

Ответная речь Ганемана в суде была тщательно подготовлена и не содержала каких-либо острых высказываний. Несмотря на это, вскоре его известили, что по решению суда он должен уплатить по двадцать талеров за каждое приготовленное им средство вне зависимости от того, кому это средство было назначено и какие были сопутствующие обстоятельства. Такие же ограничения налагались и на его учеников, за которыми было установлено наблюдение. Все это сделало жизнь Ганемана в Лейпциге совершенно невозможной – он больше не мог ни заниматься гомеопатией, ни преподавать.

«Эта травля сейчас достигла кульминации; чтобы не нанести ущерба целительной системе и защитить свою собственную жизнь, я вынужден оставить Лейпциг и искать защиты в какой-то другой стране».

В это время Ганеман с помощью гомеопатии излечил главного управляющего герцога фон Штернка от тяжелой болезни, которая не поддавалась обычным методам лечения. Узнав о затруднительном положении Ганемана, фон Штернк уговорил графа Анхальт-Котенского Фредерика пригласить его на должность личного врача. Лечение графа Фредерика также было успешным. Вскоре Ганеман получил не только разрешение поселиться в Котене, но и право применять на практике те методы лечения, которые он считал необходимыми. В Котен семья Ганемана переехала в мае 1821 г.

Издание «Хронических болезней»

В 1828 г. Ганеман, будучи в возрасте 73 лет, опубликовал свое самое известное руководство – четырехтомник «Хронические болезни. Природа хронических болезней и гомеопатическое лечение». Этот наиболее значительный труд Ганемана был результатом многолетних клинических наблюдений и экспериментов, однако признание пришло далеко не сразу.

Это был настоящий вызов тем представлениям о природе хронических болезней, которыми руководствовались

современники Ганемана. *«Последние четыре года я провел в неустанных, день и ночь, трудах и непрерывных размышлениях, чтобы найти краеугольный камень лечения хронических болезней…»*

Международное признание

В 1830–1831 гг. независимо друг от друга появилось множество сообщений из Нюрнберга, Вены, Венгрии и России о значительном снижении уровня смертности при лечении холеры гомеопатическим методом Ганемана. Эффективность гомеопатического метода при лечении холеры произвела огромное впечатление на английского врача Фредерика Куина; эти результаты он воочию наблюдал во время поездки по Моравии. Позднее Ф. Куин начал практиковать в Лондоне в качестве врача-гомеопата и тем самым положил начало целой цепи последовательных событий в гомеопатическом мире Англии. Достаточно сказать, что во время ужасающей эпидемии холеры в 1864 г. в Лондоне именно врачи Лондонского Королевского Гомеопатического Госпиталя добились наилучших результатов влечении этой опаснейшей инфекции.

Между тем в Германии сохранялась атмосфера активного противодействия гомеопатии, в результате чего Ганеману даже не удалось опубликовать последние два тома «Materia Medica Pura». Однако его книги получили признание за пределами Германии, поскольку там результаты гомеопатического лечения пациентов не представляли собой прямой угрозы доходам влиятельных представителей ортодоксальной медицины. Особый интерес вызывали переводы книг Ганемана, сделанные им самим на итальянский, латинский, французский и английский языки.

Знакомство Ганемана с Мелани Д`Эрвиль

В 1830 г. умерла жена Ганемана Иоганна; в 1834 г. Ганеман, измученный перипетиями борьбы, знакомится с мадемуазель Д`Эрвиль Гойе; это знакомство изменило всю его жизнь. Мелани Д`Эрвиль, 35-летняя француженка-художница из добропорядочной состоятельной семьи, приехала в Котен на прием к Ганеману. Но не только лечение оказалось успешным; они увлеклись друг другом и 28 января 1835 г. поженились. Ганеман восхищался умом и независимым характером Мелани, а ее пленил могучий интеллект

Ганемана. После женитьбы мадам Ганеман настаивала на переезде в Париж, что и произошло спустя несколько лет. Какими бы ни были обстоятельства брака между 80-летним Ганеманом и его 35-летней женой, общеизвестно, что благодаря заботам Мелани последние годы его жизни были, без сомнения, очень счастливыми.

Последние годы

Обосновавшись в Париже, Ганеман занялся гомеопатической практикой. Мадам Ганеман активно поддерживала его, и благодаря ее помощи практика великого врача процветала. Они были приняты в высшем обществе Парижа, на приеме у Ганемана побывали многие известные люди Франции. Один из пациентов так описал свои впечатления:

«Я вошел в кабинет месье Ганемана. Кабинет был обставлен необыкновенно просто, гораздо проще, чем те врачебные кабинеты, в которых мне доводилось бывать ранее. В центре стоял большой письменный стол, с одной стороны которого на некотором возвышении находилась полка, заставленная книгами. У стола сидела мадам Ганеман; она держала ручку с золотым пером, а перед ней лежал журнал для записи пациентов, открытый на чистой странице. За столом, откинувшись в удобном кресле, сидел сам месье доктор. Он был одет в мантию из дорогой ткани и черную бархатную шапочку, из-под которой выбивалось несколько прядей белоснежных волос, обрамляющих лоб благородной формы. Его фигура и седина выдавали в нем человека преклонного возраста, однако из-за свежего цвета лица он казался гораздо моложе своих лет. У него были темные, глубоко посаженные глаза, блестящие и полные жизни. Во время консультации мадам Ганеман неизменно повторяла сказанные мною слова, задавала множество уточняющих вопросов и записывала все, даже мельчайшие, симптомы болезни. Ганеман иногда согласно кивал, мягко высказывал свое мнение и давал рекомендации».

Ганеман умер в 1843 г., в возрасте 87 лет, после непродолжительной болезни, во время которой жена не отходила от него. Он заложил основы науки и указал поколениям врачей-гомеопатов верный, но тернистый путь к истинному излечению.